

ПРОМЫШЛЕНИКЪ.

Гуляевъ, поручикъ кирасирскаго полка, поселенаго въ новорусскомъ краѣ, сидѣлъ подъ—вечеръ съ трубкою у окна и глядѣлъ на широкую улицу. Насупротивъ его былъ цѣлый рядъ очень опрятныхъ, выбѣленныхъ домиковъ, съ желтыми обводами, отдѣленными другъ отъ друга красивенькимъ заборомъ изъ сырцового кирпича, сложеннаго въ рѣшетку съ продушинаами; кровли соломенныя, гладкія, со стрѣхою въ обрубъ, отливали яркую желтизну на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подновлены были недавно свѣжей соломой; легонькія ворота, сколоченные изъ трехъ поперечныхъ латвинъ на трехъ продольныхъ, придавали дворамъ болѣе сельскій видъ, украшаемый еще насаженою вдоль всей улицы просадью бѣлыхъ акацій. Дворы и улицы были чисто выметены и, по обширности своей, казались

пустыми; по—крайней мѣрѣ, не видать было ни скотинки, ни поросёнка, ни дворовой птицы. Далѣе, за этимъ рядомъ хатъ, разстилалась степь, повидимому, такъ же выметенная, вычищенная и едва—ли не вылощенная — только рукою самой природы.

«Экая скука!» подумалъ Гуляевъ: «хоть бы какая—нибудь корова прошла; такъ бы приманиль ее къ окну хлѣбцемъ, да надѣль ей, для потѣхи, пару старыхъ сапожищевъ на рога — такъ нѣтъ, это не у насъ, тутъ и коровы глядяты буйволами. Давно не было писемъ отъ брата изъ Питера; что—то онъ подѣлываетъ? Да, онъ счастливѣе меня: ему даль Богъ и судьбу и дарованія; пописываетъ—себѣ стишкы — и правъ. И въ обществахъ хорошихъ бываетъ, и съ порядочными людьми знается; а тутъ одурѣешь съ тоски: глушь такая, что ни одинъ шутъ сюда не заѣдетъ.... Что это? никакъ колокольчикъ? Видно, почта наша.... да нѣтъ, нынче вторникъ! Такъ, видно, къ полковнику.... Вотъ тебѣ разъ, мужикъ прямо указаль на мою хату.... такъ

и есть, прямо сюда.... Что бы это значило? Почтовая перекладная пара, а въ телегѣ какой–то молодчикъ въ венгеркѣ....»

Молодчикъ этотъ ловко соскочилъ съ телеги, перевалившись бочкомъ черезъ грядку, и вошелъ въ комнату, спросивъ только мелькомъ и мимоходомъ деньщика въ передней: «А что, здѣсь стоитъ поручикъ Гуляевъ?» Раскланявшись человѣкомъ бывалымъ съ хозяиномъ и вынувъ при этомъ, изъ вѣжливости, трубку свою изо рта, пріѣзжій извинялся въ причиненномъ беспокойствѣ, сказалъ, что случай и обстоятельства завели его въ край этотъ, на чужбину, и что онъ, услышавъ о пребываніи здѣсь Павла Ивановича Гуляева, не могъ отказать себѣ въ удовольствіи посѣтить брата Александра Ивановича, съ которыемъ онъ столько времени былъ коротко знакомъ въ Петербургѣ, какъ товарищъ по призванію, по занятіямъ словесностью.

— Я также кой–что пописывалъ, продолжалъ онъ: — хотя и не смѣю равняться по достоинству съ братцемъ

вашимъ; но онъ быль всегда такъ добръ и ласковъ ко мнѣ.... о! онъ такъ меня любилъ и, бывало, часто говаривалъ: «Ну, Гриша, Богъ приведеть тебѣ когда–нибудь встрѣтиться съ братомъ моимъ, то–есть, съ Павломъ — извините, еще онъ сказалъ съ Павлушей — то поди прямо къ нему, все–равно, что ко мнѣ: это такая жъ добрая душа....»

Гуляевъ хотѣлъ было обрадоваться и кинуться обнимать писателя и друга брата своего, Александра, но, какъ человѣкъ вообще неторопливый, онъ подумалъ: «это еще не уйдетъ, успѣемъ» и сталъ напередъ разспрашивать нежданного гостя своего, стоя передъ нимъ, о кой–какихъ подробностяхъ. Оказалось, что литераторъ этотъ пишеть не подъ своимъ именемъ, и даже большею–частью вовсе не подписывается подъ статьями, конечно, изъ скромности; но Гуляеву невольно пришелъ на умъ Хлестаковъ; оказалось также, что литераторъ этотъ и другъ Александра Гуляева не совсѣмъ–твердо знаетъ нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ,

однакожъ, говориль, не запинаясь, самымъ положительнымъ образомъ; поручикъ уже осматриваль его въ какомъ–то недоумѣніи съ головы до ногъ, какъ ямщикъ вошелъ и сталъ просить настоятельно отпустить его. Литераторъ позамялся немного, а затѣмъ вдругъ съ особеною любезностью обратился къ хозяину съ просьбой потрудиться заплатить за него два съ четвертью рубля, потому–что у путника не случилось мелочи: вся вышла.

«А!» подумалъ Гуляевъ: «теперь понимаю». Онъ выслалъ ямщика и, обратившись къ гостю своему, сказалъ: — «Послушайте, вы немножко во мнѣ ошиблись: вы не съ того крыльца зашли и этимъ путемъ не успѣете ни въ чемъ. Но если хотите, вы еще можете поправить дѣло: сознайтесь мнѣ на первый случай, что вы солгали все, что рассказывали; затѣмъ, скажите мнѣ въ трехъ словахъ всю правду, и тогда, хотя и не получите отъ меня ничего, но, все–равно, я вамъ дамъ тотчасъ же случай надуть здѣсь другаго человѣка. Но условіе мое: высказать всю правду;

сверхъ—того, я прикажу подать вамъ вечеромъ стаканъ чаю, а вы мнѣ тогда разскажете, отъ скуки, похожденія свои, и къ ночи отправитесь далѣе.

Гость чрезвычайно обрадовался этому предложенію, но изъ врожденной скромности, только улыбнулся, потупивъ нѣсколько глаза, и сказалъ:

— Точно, вы правы; я виновать передъ вами.

— Ну, это моя правда, возразилъ Гуляевъ: — а ваша гдѣ?

— Очень—долго рассказывать, отвѣчалъ тотъ: — я, заѣхавъ сюда, стала освѣдомляться, нѣть ли здѣсь кого—нибудь изъ прежнихъ товарищей моихъ, услышаль ваше прозваніе, заключиль по отчеству, что вы братъ извѣстнаго писателя Гуляева....

— Съ которымъ вы вовсе незнакомы?

— То—есть, извините, я, конечно, знаю его, но не такъ коротко...

— Неправда, сознайтесь, вы его вовсе не знаете?...

— То—есть, я дѣйствительно не имѣлъ удовольствія бывать у него, не былъ ему

представленъ, ей—Богу, но я встрѣчалъ его въ обществѣ....

— Довольно на первый случай, перебиль его Гуляевъ: — вы, однако, забываете уговоръ нашъ: говорить одну правду. Будьте же со мною откровенны, если желаете себѣ добра. Увѣряю васъ, не шутя, если вы еще разъ солжете мнѣ, то мы съ вами простимся, и очень сухо и круто: я ужъ такой человѣкъ.

Землепроходецъ раскланивался, умильно улыбаясь, и извинялся.

— Эй! продолжалъ поручикъ: — Степанъ, неси сюда, что есть поклажи въ телегѣ. У васъ есть что—нибудь съ собой, вѣроятно? — Да призови ямщика. — Такъ денегъ у васъ нѣть ничего?

— Ни копейки.

— Ну, коли вы заѣхали сюда безъ денегъ, то, конечно, какъ—нибудь спровадить васъ отсюда надо. Итакъ, я на первый случай заплачу ямщику, вы оставите здѣсь чемоданчикъ свой — то—есть, я, разумѣется, посмотрю сперва, есть ли въ немъ что—нибудь; вы сами знаете,

случается, что въ такомъ чемоданѣ лежить только клокъ сѣна, да для вѣсу, два кирпичика. Потрудитесь раздѣлать его. Потомъ я васъ отправлю къ одному доброму человѣку и научу васъ, какъ у него добыть хоть немного денегъ. Междутѣмъ Степанъ поставить самоваръ; воротившись, вы честно расплатитесь со мною, потому-что я ни за кого не плательщикъ. Мы побесѣдуемъ, вы потѣшите меня своими похожденіями, а затѣмъ поѣдете дальше. Вы куда собираетесь?

Пришлецъ пожалъ плечами и, не смѣя солгать, затруднился въ отвѣтѣ.

— Ну, это все-равно, продолжалъ поручикъ: — пожалуй, тогда вмѣстѣ посовѣтуемся, увидимъ.

Въ чемоданчикѣ, къ удивленію поручика, нашлась новая пара платья тонкаго, чернаго сукна, двѣ цвѣтныя жилетки, пара лаковыхъ сапоговъ, двѣ пары разноцвѣтныхъ перчатокъ, двѣ тонкія манишки, складная шляпа въ футлярѣ и не болѣе трехъ или четырехъ штукъ бѣлья;

затѣмъ, щеточка, гребенка, духи, помада, и нѣсколько колодъ картъ.

— Однакожь, сказаль Гуляевъ: — у васъ тутъ щегольская пара съ полнымъ приборомъ?

— Да-съ, отвѣчаль тотъ: — вѣдь порядочному человѣку безъ этого нельзя; нынче свѣтъ таковъ, что дѣлать! въ иномъ мѣстѣ, безъ этого, сами изволите знать, въ порядочный домъ не пустятъ.... Прикажете мнѣ одѣться теперь?

— Нѣтъ, этого ненужно, не беспокойтесь: платье ваше до времени останется у меня, а къ пріятелю моему вы можете идти и въ венгеркѣ.

Землепроходецъ, какъ, вѣроятно, читатели уже замѣтили, сдѣлался чрезвычайно-скромнымъ; онъ, молча, слегка поклонился и съ веселымъ лицомъ ожидалъ дальнѣйшихъ распоряженій своего обязательного и правдолюбиваго хозяина.

— Теперь, сказаль этотъ: — идите къ прaporщику Левкадіеву: деньщикъ васъ къ нему проводить. Это нашъ полковой піита, въ которомъ бездна самолюбія и ни на

грошъ дарованія; но ему, послѣ многихъ тщательныхъ попытокъ, удалось напечатать въ одномъ изъ плохихъ журналовъ никуда—негодные стишионки свои — такъ я, покрайней—мѣрѣ, полагаю, хоть я въ этомъ дѣлѣ не знатокъ — и съ—тѣхъ—поръ онъ подкатилъ разъ навсегда очи подъ лобъ и ходить какъ юродивый. Вамъ надо знать, что знаменитое стихотвореніе это, которое стоило бѣдному Левкадіеву послѣднихъ крохъ ума, называется: *Къ небосклону*, но онъ его переименовалъ послѣ того въ *Лиру поэта*, прожужжалъ всѣмъ намъ уши этимъ новымъ заголовкомъ, и, во что бы ни стало,想要 напечатать его вторымъ изданіемъ, для вящшаго утѣшенія читателей. Левкадіевъ, изволите видѣть, хвалился еще вчера, что узнаетъ настоящаго поэта по первому взгляду, по рѣчамъ, по осанкѣ, по приемамъ и походкѣ: пусть же онъ узнаетъ васъ. Желаю вамъ поставить западню свою на Левкадіева удачнѣе, чѣмъ на меня. Вотъ вамъ данныя; остальному, я полагаю, учить васъ нечего: вы, вѣроятно, съумѣете найтисѧ лучше меня.

— Понимаю, отвѣчалъ тотъ: — и благодарю; стало—быть, вы дозволите мнѣ называться именемъ вашего почтеннаго братца, пріѣхавшаго къ вамъ въ гости?

— Какъ такъ? О, да вы, какъ я вижу, далеко опередили всѣ мои предположенія! Васъ учить не только излишне, но даже опасно. Нѣтъ, почтеннѣйшій, ужъ лучше оставьте вы моего брата въ покоѣ; вамъ легко будетъ придумать чье—нибудь другое имя, все—равно, лишь бы быть известный человѣкъ. Левкадіевъ всѣхъ ихъ знаетъ наперечетъ. Имя брата моего, сами видите, для васъ несчастливо; вы съ нимъ попались на первыхъ порахъ. Ну, съ Богомъ, идите, пора. Степанъ, укажи ему избу Левкадіева.

Гуляевъ походилъ съ трубкою взадъ и впередъ по комнатѣ, разсмѣялся про—себя вполголоса и сказалъ:

«Вотъ Богъ послалъ потѣху!» Онъ остановился передъ чемоданомъ. «И есть же такие люди на свѣтѣ! Кого, прошу покорно, онъ не надуетъ? Вотъ все достояніе его, весь промыселъ и убѣжище; фракъ и жилетъ — рабочій, промышленный

снарядъ его, какъ у добраго плотника топоръ и долото; день пришелъ, такъ и ъсть принесь; день прошелъ — заботу унесъ. А чуть—было не надулъ и меня; да нѣтъ, я по первымъ пріемамъ увидѣлъ, что дѣло нечисто, что потѣшникъ мой на одну ногу хромаетъ. Нечего дѣлать, дадимъ ему стаканъ чаю да побалагуримъ!»

— Степанъ, проси—ка ко мнѣ Ивана Петровича; сбѣгай проворнѣй, скажи, что тутъ веселый гость пріѣхалъ и часика два пробудетъ; а воротившись, ты поставишь самоваръ.

Другой поручикъ, Иванъ Петровичъ, пришелъ, обрадованный нечаянностью этого важнаго событія, которое обѣщало пеструю страничку въ однообразной жизни. Гуляевъ сказалъ ему:

— Вотъ, братецъ, пройдоха пріѣхалъ, да какой! Послушаешь его.... Да вотъ онъ ужъ и идетъ! Ну, что, благополучно, что ли?

— Покорно васъ благодарю: десять цѣлковыхъ получилъ!

— Какъ же вы разыграли комедію?

— Да я назвался такимъ-то извѣстнымъ писателемъ, сказаль, что по дружбѣ съ братомъ вашимъ....

— Опять-таки съ братомъ! Кой чортъ васъ мучить, что вы брата не можете оставить въ покоѣ!

— Помилуйте! нельзя же! Я только сказалъ, что, по дружбѣ съ братомъ вашимъ, заѣхалъ по пути къ вамъ, узналь случайно, что здѣсь обитаетъ знаменитый Левкадіевъ, который «Небосклономъ» своимъ свель съ ума весь Петербургъ; при этомъ я, разумѣется, прослезился, всплеснуль руками, просиль позволенія обнять его и потомъ разсмотрѣть черты его хорошенъко, и проче. Ну, а тамъ и пошло.... Деньги я, по-несчастью, потерялъ и теперь нахожусь въ самомъ критическомъ положеніи. Онъ еще много извинялся, что теперь самъ не при деньгахъ, приглашаль меня погостить у него, обѣдать завтра....

— Нѣть, почтеннѣйшій, перебиль его Гуляевъ: — прошу не забывать нашего условія: вы Ѳдете сегодня, къ ночи.

— Очень-хорошо-сь, какъ угодно.

— А что, сказалъ Гуляевъ, ощупывая безъ обиняковъ слегка карманы своего гостя: — не соблазнились вы тамъ чѣмъ—нибудь, какою—нибудь бездѣлушкой? такъ вѣдь этого у нась въ уговорѣ не было!

— Помилуйте: отвѣчаль тотъ: — за кого же вы меня принимаете?

— Ну, ну, ладно! возразилъ Гуляевъ: — садитесь—ка, вотъ и товарищъ послушаетъ васъ; должно быть, поучительно и заниматально. Ну, рассказывайте; да чуръ не врать! Ей—Богу, поймаю на первомъ словѣ и тогда поссоримся, и чаю не дамъ. Вамъ передъ нами чиниться ничего. Кто вы, какъ и что съ вами было, гдѣ и чѣмъ промышляли, и какъ сюда попали?

— Я воспитывался.... въ такомъ—то заведеніи, началъ тотъ: но по наклонностямъ своимъ къ простору никакъ не могъ ужиться. Много извели на меня голиковъ и, наконецъ, еще до выпуска, уволили на подножный кормъ. Куда мнѣ дѣваться? Отца нѣть, мать изъ милости живеть гдѣ—то за Тамбовомъ, братъ закабалился вѣковѣчнымъ канцелярскимъ

служителемъ — воть и всѣ! Не спорю, что я чистаго аттестата не заслуживалъ; но куда же мнѣ было дѣваться съ такимъ, гдѣ прописано было все почти съ такою же откровенностью, какой вы воть теперь изволите отъ меня требовать?... Я поселился—было у одного полутоварища, вышедшаго еще до меня въ гражданскую службу, но онъ меня не сталъ долго держать. Прошатался я нѣсколько времени такъ, ночуя то въ разныхъ заведеніяхъ, то въ домѣ Вяземскаго, Полторацкаго, коли была гривна, для уплаты за ночлегъ; свель дружбу съ однимъ вольноотпущенныимъ, и тутъ только увидѣль, какъ хорошо люди живуть на счетъ другихъ, коли умѣютъ: вѣрите ли, не занимаясь ничѣмъ, онъ истинно жиль бариномъ, даже держаль прекрасный экипажъ! Я рѣшился попробовать заняться тѣмъ же.

«Напередъ всего надо было одѣться: это стоило мнѣ большихъ трудовъ и опасностей. Я досталъ кой–какія вещицы, часики, табакерку, хорошую бронзовую лампу; но все это надо было сбить. Мнѣ

указали наконецъ портнаго, который, подъ залогъ вещей этихъ, одѣль меня прилично, и я, принявъ къ себѣ въ услуженіе товарища, пріискалъ на Литейной прекрасную квартиру съ полнымъ устройствомъ отъ хозяина, и назвался богатымъ помѣщикомъ, по-крайней-мѣрѣ, наслѣдникомъ, который пріѣхалъ въ столицу по тяжебнымъ дѣламъ своимъ. Рублей пятьдесятъ, собранные съ трудомъ, я роздалъ тутъ же дворнику и прислугѣ въ домѣ, чтобы они прославляли богатство и тороватость мою. Первымъ слѣдствіемъ этого было, что такъ-называемому слугѣ моему стали отпускать изо всѣхъ окружныхъ лавокъ съѣстные припасы на счетъ; а вы сами согласитесь, что это не бездѣлица. Такимъ-образомъ мы жили нѣсколько времени прекрасно; виноградъ и арбузы были у насть ни почемъ, хоть и частенько недоставало мяса, котораго въ лавочкахъ нѣть, а до мясныхъ рядовъ слава моя, какъ богатаго наследника, не распространялась. Когда я замѣчалъ, что лавочники мои начинали сомнѣваться, то я

пускаль послѣднюю добытую копейку ребромъ, задариваль дворниковъ и отправляль ихъ въ лавочку прославлять имя мое; въ то же время я дѣлался вдвое взыскательнѣе относительно доставляемыхъ мнѣ съѣстныхъ припасовъ, браковалъ ихъ, отправляль обратно, требуя лучшаго и угрожая, въ противномъ случаѣ, что не стану брать больше здѣсь, а обращусь въ другую лавку.»

— Но вамъ все—таки необходимы были иногда деньги, хоть бы, напримѣръ, для уплаты за квартиру, для покупки вещей, которыхъ нѣть въ лавочкѣ: откуда жъ вы ихъ добывали? спросилъ Гуляевъ.

— Это, въ такомъ положеніи, какъ я тогда былъ, не слишкомъ—трудно, хотя и хлопотно иногда, и притомъ въ—течение времени средства истощаются, такая добыча, сидя на одномъ мѣстѣ, непродолжительна: тутъ и тамъ начинаютъ догадываться и довѣренность упадаетъ; но сначала это легко. Во—первыхъ, всегда находишь людей — вы не судите по себѣ — у которыхъ можно призанять что—нибудь, и

другихъ, съ которыми можно призаняться, то—есть, напустить на нихъ 52 разбойника и выковать за вечеръ что—нибудь на зеленомъ станкѣ. Во—вторыхъ, пріятели и помощники мои, которые приходили всегда съ большою осторожностью и подъ видомъ чиновниковъ и ходаковъ по тяжбѣ моей, подносили мнѣ такъ—называемый *клей*, то—есть, пріобрѣтенный ими товаръ, а у меня, какъ у богатаго наслѣдника, занимающаго прекрасную квартиру, никому не приходило въ голову искать вещей этихъ: онѣ по—немногу сбывались, и выручка дѣлилась пополамъ. Случилось мнѣ раза два нападать въ трактирахъ на такихъ олуховъ, которыхъ, разумѣется, подводили, и которые проигрывали мнѣ въ вечеръ до тысячи рублей. Но мнѣ захотѣлось получить вдругъ побольше и ускользнуть куда—нибудь. Положеніе мое дѣжалось опаснымъ. Для этого я осмотрѣль въ одномъ магазинѣ золотыхъ товаровъ, часовъ и драгоцѣнныхъ камней на большую сумму, выбираль и прихотничая долго, справляясь по заготовленному списку,

совѣтуясь съ хозяиномъ и насказавъ ему, что въ домѣ отца моего, богатаго помѣщика, готовятся вдругъ три свадьбы, а мнѣ поручено здѣсь заготовить и отправить приданое и подарки, какъ женихамъ, такъ и невѣстамъ.... Изъ предосторожности, я даже заказалъ нѣкоторыя вещи съ вензелями и даль сто рублей задатку, прося оставить отобранныя вещи за мной. Въ назначенный мастеромъ срокъ я сказался больнымъ, просидѣль дня три дома и послалъ товарища своего въ магазинъ просить, чтобы вещи принесли ко мнѣ на домъ, потому—что я нездоровъ. Хозяинъ приходитъ; его встрѣтили двое слугъ въ ливреяхъ, ввели въ залу, заставили подождать съ четверть часа и провели ко мнѣ въ кабинетъ. Я сидѣль въ креслахъ, обвязанный. Съ большимъ участіемъ разспрашивалъ нѣмецъ меня о болѣзни моей и очень—очень сожалѣль. Я разсмотрѣль вещи, быль вообще ими доволенъ, возвратиль ему только нѣкоторыя бездѣлушки для передѣлки по моему вкусу; мы свели счетъ, и я,

отомкнувъ шкатулку и порывшись тамъ, подумалъ немного, посмотрѣль въ календарь, разсчитывая вслухъ, когда долженъ быть отвѣтъ на письмо мое въ Тамбовъ, и сказалъ хозяину, что ему прійдется, на первый случай, унести вещи эти, потому—что я теперь отдать денегъ не могу, а получу ихъ чрезъ пять дней, во вторникъ. «Хотите, такъ возьмите у меня, для вѣрности, еще цѣлковыхъ сто — которыхъ у меня не было — въ задатокъ, а во вторникъ, послѣ полудня, приходите и приносите вещи: получите деньги непремѣнно.» Разумѣется, онъ не принялъ задатка, быль чрезвычайно—вѣжливъ, радуясь такой значительной покупкѣ, и оглядываясь по комнатѣ, какъ—будто разсматривалъ, каково—то я живу, быль какъ—то въ нерѣшимости. У меня все было убрано такъ прилично, что я этого осмотра не боялся. Я позвонилъ и приказалъ подать себѣ и мастеру по чашкѣ кофе. «Развѣ вотъ что» продолжалъ я, когда кофе подали: «я бы, пожалуй, предложилъ вамъ взять съ меня заемное письмо, срокомъ на

пять дней; но, впрочемъ, для меня это все–равно: лучше возьмите вещи свои и пріѣзжайте во вторникъ.»

«Мастеръ мой видимо былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи; не хотѣлось ему оказать мнѣ, такому дорогому покупщику, малѣйшую недовѣрчивость, не хотѣлось также и нести цѣлую связку вещей опять домой, но и не рѣшался онъ ихъ оставить. Извиняясь съ крайнею вѣжливостью, что онъ не можетъ отдать вещей этихъ изъ рукъ, не уплативъ въ то же время постороннихъ мастеровъ и хозяина нѣкоторыхъ взятыхъ имъ каменьевъ, онъ завернуль все, собраль и, нерѣшительно раскланиваясь, еще разъ спросилъ: навѣрное ли я полагаю, что получу деньги во вторникъ? Я увѣрилъ его въ этомъ, но только не настаивая, впрочемъ, на томъ, чтобъ онъ оставилъ товаръ, а, напротивъ, находя самъ, что лучше принести его во вторникъ и разсчитаться на наличныя деньги: «только ради Бога не забудьте исправить замѣченныя мною бездѣлушки» прибавилъ

я, и, отпустивъ его, самъ не зналъ, что мнѣ будеть дѣлать съ нимъ, когда онъ прійдетъ во вторникъ.

«Нѣмецъ мой вышелъ въ раздумыи, а между тѣмъ, офиціанты мои и даже дворники не зѣвали: на бѣду онъ вздумалъ посовѣтоваться съ ними и разспрашивать обо мнѣ: они насказали ему такихъ вещей, что онъ въ ту же минуту воротился, просилъ доложить о себѣ, и, вошедъ ко мнѣ снова, принялъ извиняться и просилъ меня лучше оставить вещи у себя и дать ему заемное письмо на пять дней срокомъ. Маклера тотчасъ призвали, и въ полчаса дѣло было кончено. Въ ту же ночь я исчезъ — и ни хозяинъ квартиры, ни лавочники, ни нѣмецъ мой, съ векселемъ на 16,000 рублей серебромъ, не видѣли меня болѣе въ глаза.

«Нанявъ двѣ маленькія квартирки и прописавъ не свой, а чужіе паспорты, я жиль то на Охтѣ, то въ Галерной Гавани, проводя, впрочемъ, большую часть времени въ срединѣ города и не возвращаясь никогда на ночлегъ домой, не развѣдавъ

предварительно черезъ лазутчиковъ о надежности этого пріюта. Вещи сбывалъ я исподволь, съ большою осторожностью, и нѣсколько мѣсяцевъ жиль—себѣ бариномъ. Я довольствовался своей добычкой и не пускался во все это время ни на какія опасныя дѣла; но запасъ мой истощился, не только потому, что я проживалъ иногда многонько, но и потому, что надобно было продавать все за третью цѣны, да еще дѣлиться съ другими и удѣлять часть на тѣхъ, у кого глаза нехороши, то—есть, вы понимаете, кто знаетъ много, но молчить и глядить сквозь пальцы, покуда это ему выгодно. Вотъ и пришла опять такая пора, что хоть волкомъ быть, и признаюсь въ своей неосмотрительности: это сдѣлалось какъ—то вдругъ, и на мнѣ остался одинъ только плохой сюртучишко. Какъ быть? Послѣ кой—какихъ попытокъ я вспомнилъ, что встрѣчался въ одномъ порядочномъ домѣ съ молодымъ художникомъ, который показался мнѣ добрымъ и довѣрчивымъ. Я вспомнилъ также, что онъ показывалъ тамъ картину свою и цѣнилъ ее въ пятьсотъ

рублей. Отправляюсь къ нему, нанявъ для этого коляску, за которую ничѣмъ было заплатить, и говорю, что хочу ему услужить: князь какой–то желаетъ купить картину его, о которой отъ меня слышалъ, и безъ всякаго сомнѣнія дастъ пятьсотъ рублей. Онъ съ радостью отдаетъ мнѣ ее, завернувъ въ простыню, и мы вмѣстѣ уставили ее въ коляску; здѣсь только я взглянулъ на себя и сказалъ художнику: «Послушайте, вы одного роста со мною, дайте мнѣ, пожалуста, фракъ вашъ: вы видите, въ какомъ я неблагообразномъ видѣ; чрезъ часъ возвращусь съ деньгами и отдамъ вамъ фракъ.» Разумѣется, что онъ мнѣ въ этомъ не могъ отказать, и извинялся только, что и у него фракъ не совсѣмъ—хорошъ. «Ничего» сказалъ я: «все—таки въ немъ приличнѣе ѿхать къ князю, чѣмъ въ моемъ сюртукѣ.» Я прямо отправился въ заведеніе храненія громоздкихъ движимостей и получилъ подъ залогъ картины сто рублей. Но за мною уже слѣдили; розыски по прежнимъ дѣламъ возобновились, узнали, что я въ городѣ — и

настала пора проститься съ Петербургомъ. Я вышелъ изъ Московской заставы пѣшкомъ, составивъ напередъ планъ для нескончаемаго похода своего.

«Товарищи мои, однокашники, были разсыпаны по всей Россіи, и я былъ увѣренъ, что нѣтъ полка, ни батальона, гдѣ бы не нашлось ихъ нѣсколько человѣкъ. Итакъ, я направилъ путь свой, разными извилинами, отъ сѣвера на югъ, предположивъ идти все мѣстами расположенія войскъ, начиная отъ новгородскихъ поселеній. Такъ я и сдѣлалъ, и, спасибо, вездѣ находилъ кусокъ хлѣба и хоть на сутки пріютъ, да, сверхъ—того, меня передавали или пересылали съ рукъ на руки то на своихъ лошадкахъ, то на подводахъ, то при записочкахъ, изъ полка въ полкъ, изъ батальона въ батальонъ. Я рассказывалъ, что, послѣ постигшихъ меня бѣствій, иду домой, за наслѣдствомъ, и даже сочинилъ самъ къ себѣ нѣсколько писемъ, съ увѣдомленіемъ объ этомъ и вызовомъ поспѣшить на мѣсто. Гдѣ встрѣчалъ я

разгульную компанію, тамъ перекидываль иногда направо, налево; гдѣ случалась по пути ярмарка или иной съездъ, тамъ подстерегаль олуховъ да матушкиныхъ сынковъ; такимъ образомъ, я прошелъ и проѣхалъ зубчатымъ путемъ все пространство отъ Петербурга, чрезъ новгородскія поселенія, войска, расположенные вокругъ Москвы, тамъ на Курскъ, Воронежъ, потомъ направо въ Харьковъ, и наконецъ, вотъ, благополучно добрался до васъ.»

— Разскажите жъ что—нибудь, сказалъ Гуляевъ: — о замѣчательнѣйшихъ похожденіяхъ вашихъ на этомъ пути: вѣдь вы проѣхали слишкомъ двѣ тысячи верстъ!

— Да что—жъ вамъ разсказать? Вотъ, напримѣръ, въ одномъ полку удалось мнѣ славно попировать съ недѣлю, и на рукахъ меня носили, потому—что полковникъ считаетъ себя литераторомъ — онъ, въ чинѣ прапорщика, пописываль стишки — и сильно покровительствуетъ своимъ братьямъ, писателямъ, а я, разузнавъ это, явился въ полкъ *Рахманнымъ*, то—есть,

объявилъ, что это я пишу подъ этимъ именемъ; раза три пили мое здоровье шампанскимъ. Случалось раза два, проѣздомъ въ деревнѣ, называемыя лѣкаремъ и принять чувствительную для меня благодарность помѣщика, у котораго я спасъ отъ смерти дочь или жену. Сходило съ рукъ; а съ ногъ — какъ говорится, хоть собаки тащи. Къ старухамъ—хозяйкамъ и скопидомкамъ я какъ—то особенно—удачно подъѣзжаю, и онѣ меня любятъ, до времени, безъ ума. Ну, долго не засиживаешься, разумѣется: чуть сметиши, что дѣло немножко—неладно, то и дальше. Для хозяекъ этихъ у меня всегда готовъ запасъ разныхъ секретовъ, и что больше врешь имъ, то онѣ тебя дороже цѣнятъ. Небольшая сноровка только нужна тутъ, чтобы не вздумали повѣрить тебя на дѣлѣ, либо самого заставить сдѣлать опытъ: пріѣхалъ зимой, такъ толкуй о лѣтнемъ хозяйствѣ, а лѣтомъ о зимнемъ; вотъ она себѣ и записывай, сколько хочетъ, и переспрашивай хоть двадцать разъ.

«Удалось мнѣ одну хорошую штуку выкинуть проѣздомъ въ Курской губерніи, подъ Фатежемъ. Тутъ жила порядочная помѣщица, о которой я зналъ кой–какія подробности чрезъ племянника ея, который воспитывался со мною вмѣстѣ, былъ, какъ видно, любимцемъ ея, даже надѣялся быть современемъ наслѣдникомъ, а между–тѣмъ попалъ невзначай въ сибирскіе линѣйные батальоны. Отправлялся онъ туда при мнѣ, прямо изъ Питера, а изъ дома отданъ былъ по десятому году: такъ я и разсчиталъ, что если только онъ въ послѣдніе четыре года не бывалъ у тѣтки, то она его почти не можетъ знать въ лицо; а мы были съ нимъ, хоть не то, чтобы похожи другъ на друга, да оба довольно–смуглы. Надобно вамъ сказать, что я въ это время былъ въ самомъ отчаянномъ положеніи, безъ гроша денегъ, въ отдаленіи отъ расположенія войскъ, и сидѣлъ верстъ за восемьдесятъ отъ Фатежа, не зная, какими способами подвинуться хоть туда, хоть сюда, въ какую–нибудь сторону. Вотъ, вспомнивъ о тѣткѣ этой, я сталъ о ней

разспрашивать, но могъ узнать только, что она еще жива и точно живеть въ своей деревнѣ. Нанимаю извощика прямо туда, съ тѣмъ, чтобъ расплатиться на мѣстѣ, и выѣхавъ рано утромъ, поспѣль какъ-разъ къ деревенскому чаю. Въ сосѣдней деревушкѣ удалось мнѣ еще-таки разспросить двороваго человѣка и узнать отъ него кой-какія подробности, какъ, напримѣръ, имена названныхъ сестеръ моихъ, а также, что племянника съ-тѣхъ-поръ, какъ увезли его въ Питеръ, дома не бывало. Пріѣзжаю: домишко старенький, но жить можно; хлѣба на гумнахъ довольно — а это лучшая примѣта для голоднаго. Я соскочилъ, прибодрился, пошелъ смѣло, да прямо, напроломъ, и встрѣчную чумичку сбиль-было съ ногъ; тётушка сидѣть съ дочерьми за чаемъ; я какъ взвою: «Тётушка! узнали ль вы бѣднаго Алёшу?» да такъ-таки гирей на шею ей и привѣсился. Удивленіе, радость, разспросы — перецѣловаль и перемиловалъ разъ по десяти сестрицъ, а у тётушки все ручки цѣлую. Она старуха земли подъ

собою не слышить, свѣту не взвидѣла отъ радости; весь домъ коромысломъ поднялся, чтобы угостить любимаго племянника; и въ этотъ и на другой день, то вечеромъ къ огню меня подводятъ, то днемъ къ свѣту, рассматриваютъ и находятъ, что, конечно, много я измѣнился въ двѣнадцать лѣтъ, но что узнать еще можно, похожъ на мать.... и на отца похожъ.... нѣтъ, особенно похожъ на покойную бабушку!

«Словомъ, рассказавъ похожденія свои, и какъ меня понапрасну обидѣли, какъ я пострадалъ за товарища, котораго не хотѣлъ выдать, и за это попалъ въ линѣйные батальоны, какъ я горе мыкаль, терпѣль нужду, вспоминаль день и ночь любезную тётушку и милыхъ сестрицъ, какъ, наконецъ, отличиемъ своимъ загладилъ предъ начальствомъ мнимый проступокъ свой, произведенъ въ подпоручики, вышелъ въ отставку, пріѣхалъ за тётушкинымъ благословеніемъ, и прочее, а теперь єду вновь на службу въ конницу — я такъ разжалобиль слезливую тётушку и милыхъ сестрицъ, которыхъ

желаль бы цѣловать весь свой вѣкъ, что прожилъ двѣ недѣли какъ въ раю, и жиль бы, можетъ—быть, тамъ еще донынѣ, кабы не проклятое письмо отъ настоящаго племянника, присланное изъ Омска.... Вотъ некстати человѣкъ расписался! Отовравшись кой—какъ, что я же самъ и писаль письмо это, я, однакожъ, видѣль, что не могъ ничѣмъ успокоить тревожнаго сомнѣнья тѣтушки, которая рѣшительно стала въ—туникъ.

«Въ—самомъ—дѣлѣ, старушка съ дочерьми, какъ теперь вспомню, была поставлена въ самое странное положеніе: трудно было вѣрить мнѣ, послѣ всѣхъ разсказовъ моихъ, несогласныхъ съ содержаніемъ письма, на которомъ было выставлено такое число, въ какое я, по разсказамъ своимъ, былъ въ Петербургѣ; притомъ племянникъ ни слова не писаль обѣ отставкѣ, а просилъ, напротивъ, прислать ему денегъ въ Омскъ; а между—тѣмъ, какъ же и не повѣрить человѣку, который самъ на—лицо, обжился уже въ домѣ у тѣтушки, на ты и ты съ сестрицами

своими, разсказываетъ многія подробности своего дѣтства, хотя въ этомъ отношеніи память у него оказалась и нѣсколько— слабою, да коли онъ, сверхъ всего этого, самъ пріѣхалъ, отыскалъ тётушку въ захолустьѣ и даже похожъ на отца и мать и покойную бабушку?...»

— Чѣмъ же все это кончилось? спросиль поручикъ.

— Да тѣмъ и кончилось, отвѣчалъ землепроходецъ: — что я благополучно убрался, уѣхалъ. Признавъ полезнымъ за добра—ума убраться, я простился со слезами, снабженный подорожниками и печеньями разныхъ родовъ, небольшими деньжонками и нѣжными поцѣлуюми милыхъ сестрицъ.... Какъ у нихъ дѣло развязалось — не знаю; я обѣщалъ опять пріѣхать черезъ полгода, но, видно, подождуть и подолье.

— Куда жъ вы теперь собираетесь, честной господинъ? спросиль Гуляевъ. Гость признался, что онъ еще и самъ этого не знаетъ, а полагалъ ѿхать туда, куда кто—нибудь изъ господъ поручиковъ дастъ ему

письмо. Оба захотали, а Гуляевъ, вставъ и выколачивая трубку свою, сказалъ: — не на тётушку вы тутъ напали, почтеннѣйшій: тутъ сами съ усами. Я вамъ даль понадуть, для шутокъ, нашего шута и, сверхъ обѣщанного стакана чаю, попотчиваль васъ еще трубкой табаку; ночь на дворѣ, ъхать вамъ пора, спасибо за потѣху — и прощайте. А куда вы поѣдете, успѣете надуматься, когда вывезутъ васъ за заставу. Эй, Степанъ! вели подавать лошадей этого барина; да сѣнца подложить въ телегу, чтобы можно было ему вздремнуть.

Гость молча вздохнулъ, всталъ, улыбаясь, раскланялся, благодариль и, садясь въ телегу, обратился къ проводившему его до крыльца Гуляеву, сказавъ: «Ну, поручикъ, признаюсь, я еще такого человѣка, какъ вы, не встрѣчалъ. Что еслибы вы пошли.... еслибы судьба повела васъ по той дорогѣ, по которой я пошелъ — вы ушли бы далеко!»
